

УДК 94 (47)

Россия перед историческим вызовом: десталинизация или ресталинизация

А. А. Чемшит

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Актуализируется феномен сталинизма как в ретроспективном ключе, так и в плане его связи с настоящим и будущим российской государственности. Автор рассматривает сталинизм как многоуровневую систему мобилизационных проектов по созданию общества качественно нового типа в исторически сжатые сроки, в крайне неблагоприятных условиях. По его мнению, сталинизм сумел «уловить», сформулировать национальную идею советского народа и воплотить её в жизнь, насколько это было возможно в тех исторических условиях. Обосновывается тезис о том, что сталинизм есть российская версия социал-консерватизма, который, интегрируя в себе жёсткий правый политический курс и твердую левую экономическую линию, является наиболее адекватной российской менталитету и условиям моделью государственно-политического управления. Политический курс России нуждается в существенном сдвиге вправо, экономическая линия требует кардинального разворота влево. Возврат к социал-консерватизму одновременно означает ресталинизацию, но не в русле возрождения силовых методов государственного управления, а в плане выработки курса на государственное величие и социальную справедливость, что равно ориентации на национальную идею русского мира.

Ключевые слова: десталинизация, ресталинизация, национальная идея, модель государственно-политического управления, политический курс, экономическая линия, социал-консерватизм.

Современное состояние Российской Федерации со всех точек зрения является сложным. Экономика в последнее время продемонстрировала спад, уровень жизни народа высоким не назовёшь, около 20 % населения живет за чертой бедности. Запад ведёт против России информационную войну, объявляет санкции, устраивает различного рода провокации, выдвигает в её адрес нелепые обвинения и т. д. и т. п. Возникает вопрос: каковы причины и цели столь враждебного к нам отношения? Ответ лежит на поверхности. Североатлантическому сообществу Россия видится как препятствие на пути к глобальному господству, как геополитический конкурент, как обладатель несметных природных ресурсов, как носитель неприемлемых для западной цивилизации ценностей, как могучий субъект, имеющий свои собственные интересы, да ещё и обладающий ядерным оружием.

У России нет иного выхода, как принять брошенный вызов и включиться в серьёзную долговременную конкурентную борьбу за свое право быть суверенным государством и развиваться в соответствии со своими национальными интересами. С учётом расклада политических сил, военных возможностей и экономического потенциала мы уступаем консолидированному Западу. Таким образом, перед нами встанёт задача ликвидировать имеющееся отставание, восстановить паритет сил, с тем чтобы на равных с США и ЕС осуществлять политику партнерства и конкуренции.

В определённом смысле можно провести аналогию с довоенной ситуацией, диагноз которой был точно поставлен И. В. Сталиным: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [10, с. 39]. Ссылка на Сталина здесь сделана неслучайно. Нам представляется, что в обозримом будущем вопрос о сталинизме обретет актуальность не только в идеологическом и теоретическом плане, но и будет переведен в плоскость практического действия.

Объяснимся. Начнём с категорического несогласия с распространённым взглядом, утвердившимся в среде как зарубежных, так и отечественных либерал-демократов, о том, что сталинизм есть преступный режим, репрессивная машина по запугиванию населения и террору против оппозиции, что сталинизм принёс нашему народу только страдания, погубил миллионы людей в лагерях, что социализм построили «зэки», а войну выиграла «штрафники» и т. д.

Подобный взгляд является с научной точки зрения упрощённым, а с политической – враждебным не только по отношению к СССР, но и к РФ также. Не отрицая факта репрессий, беспощадной политической борьбы, жестокости и зачастую неправого и скорого суда, огромных лишений, выпавших на долю советских людей, осмелимся сказать следующее. Об исторических событиях нельзя судить по нововременным меркам. Репрессии 30–40-х гг. в своей основе имеют подходы, методы и приёмы гражданской войны. Именно гражданская война вызвала к жизни формально логическое бинарное политическое сознание: либо ты друг народа, либо ты его враг, третьего не дано. В режиме гражданской войны действовали все субъекты и инстанции: и партработники, и сотрудники госбезопасности, и прокуроры, и судьи. Установившиеся нормы и правила политической борьбы никто не в силах был отменить, включая Сталина. Вместе с тем масштабы репрессий либеральными исследователями намеренно значительно преувеличены. В число «невинно пострадавших» зачастую включаются не только политические оппозиционеры, но и изменники Родины, и уголовные элементы от бандитов до фальшивомонетчиков. Называются совершенно фантастические цифры человеческих потерь. А. Солженицын и Р. Медведев говорят о 60 млн погибших. Однако рекорд принадлежит некоему Ю. Корякину, указавшему цифру в 120 млн жертв. И это при том, что в СССР перед войной проживало порядка 190–195 млн человек [6, с. 654]. Подобные «изыскания» объективно направлены против нашей истории и наших интересов, независимо от субъективных устремлений их авторов.

В действительности в разгар массовых репрессий в 1937 г. во всем Советском Союзе под следствием, в тюрьмах и лагерях находилось 1,2 млн человек.

Для сравнения: в России в 2003 г. насчитывалось 1,1 млн заключенных [4, с. 232]. Контингент пресловутого «архипелага ГУЛАГ» в марте 1953 г. составлял 2,5 млн человек, несколько больше 1,5 % населения страны. Опять же для сравнения: на конец 1990 г. в США было зафиксировано более 2 млн заключенных, что вполне сопоставимо с осужденными в СССР, хотя и в разные эпохи [6, с. 654]. Согласно справке, которую в феврале 1954 г. подготовили для Н. Хрущева генеральный прокурор Р. Руденко, министр внутренних дел С. Круглов и министр юстиции К. Горшенин, за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. было осуждено за контрреволюционные преступления коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек, в том числе приговорены к смертной казни 642 980 человек [12, с. 139].

Нам представляется, что в оценке феномена сталинизма следует делать упор не на форму, а на содержание, не на методы и средства, а на достигнутые результаты. Необходимо идти вглубь и вширь, а не скользить по поверхности, уметь различать главное и второстепенное. Если бы европейская цивилизация оценивала историческую роль христианства (католичества) не по высокой миссии «очеловечивания» человека и не по колоссальной духовной работе в этом направлении, а по принудительному верообращению, крестовым походам, кострам инквизиции, событиям Варфоломеевской ночи и т. д. и т. п., то она, безусловно, осудила бы его. Но и Европа, и Россия почитают и уважают христианство как мировую религию. В этой связи поверхностному в научном плане и предвзятому в политическом отношении либеральному толкованию сталинизма предлагается альтернативное понимание этого феномена, учитывающее его природу и делающее акцент на его содержании и сущности.

В известном смысле сталинизм был подготовлен всем ходом предшествующего развития России. Еще при Николае I стали накапливаться противоречия между традиционным российским укладом и проникающими в Россию идеями и проектами европейского общежития. Самодержавная власть игнорировала новые веяния, считая их неприемлемыми для российской действительности. Таким образом, утверждалось явление *исторического запаздывания*, что в какой-то момент спровоцировало появление феномена *исторического забега* (появление нигилистов, террористов, революционеров, эсеров, большевиков). Весь этот процесс стремительно понесся навстречу революции.

В 1917 г. в России пришло время для исторического столкновения *забега с запаздыванием*. Консерваторы уже были не в состоянии исполнять охранительную функцию, что привело к отречению царя. Умеренные революционеры не смогли удерживать политическую ситуацию и открыли путь к власти радикалам, чье имя – большевизм. Большевистский переворот спровоцировал гражданскую войну, в ходе которой произошла решающая схватка между «Белым» и «Красным» проектами.

Красные победили. Но лишь формально. По сути, это была пиррова победа, так как в гражданской войне победителей не бывает, проигрывают обе стороны. Белые потеряли отечество, веру, собственность, достоинство... Их время кануло в Лету. Красные сохранили власть ценой огромных человеческих жертв,

невиданных разрушений, голода, холода, опасных болезней. Экономика страны лежала в руинах, по некоторым оценкам, она была отброшена на 200 лет назад.

Практически все 20-е гг. ушли на поиск новой властью путей выхода из сложившейся ситуации. Ленинский план нэпа большевиками воспринимался как временная передышка до разработки генеральной линии. После ухода с политической сцены Ленина в большевизме формируются три подхода, три видения, три линии будущего страны. Как обычно, их можно обозначить «левый» и «правый» фланги, между которыми находится центр.

На левом фланге пребывали такие вожди, как Троцкий и Зиновьев. Смысл Октябрьского переворота они сводили к чисто начальной фазе всемирного процесса. Их девиз «Мировая революция!», а России предстояло лишь «разжигать пожар мировой». Без революции на Западе, считал Троцкий, никакого коммунизма в России не получится. Поэтому Советское государство должно было своей стратегией избрать подталкивание мирового революционного процесса, без какой бы то ни было внятной внутренней политики.

Правое крыло (Бухарин, Рыков, Томский) также поддерживало мировую революцию, но отличалось от левых наличием «внутреннего плана». Рассчитывать нужно на победу мировой революции, но внутри страны следует ее встречать, решая внутренние задачи. Главная задача состоит в том, чтобы стать дополнительным фактором к фактору западному. Запад индустриально развит, его следует дополнить русским достоинством. Россия по своей сути аграрная страна, отсюда надо развивать ее аграрную сущность, дабы соединить ее с промышленной сущностью Запада в случае победы там революционного пролетариата.

До окончательного выбора «генеральной линии» Сталина можно было считать центристом в сложившемся раскладе политических сил. В ходе теоретических споров и политических баталий у него сформировался собственный взгляд на перспективу страны. По мере усиления своего влияния Сталин перевел теоретическое представление в практическую плоскость, т. е. предложил новый политический курс. Его суть заключалась в отказе от мировой революции как утопического проекта и построение социализма в СССР – отдельно взятой стране [11, с. 255].

Иных, кроме трех обозначенных, проектов внутри правящей партии не было, следовательно, оставаясь на почве реализма, предстояло выбрать один из них.

В некоторых либеральных научных кругах встречаются суждения, что было бы здорово, если бы к власти пришел не Сталин, а, скажем, Рыков. Тогда история нашей страны сложилась бы иначе. «Не было бы массовых расстрелов, лагерей, голода, близорукой внешней политики. Гитлер или не решился бы напасть на Советский Союз, или Красная армия, в которой не уничтожались бы годами командные кадры, не пустила вермахт дальше Днепра...» [9, с. 7]. Нам же положение дел представляется совершенно иначе. Оба крайних проекта были обречены на неудачу. В отношении троцкизма это выглядит вообще бесспорно, так как в 20-е гг. на Западе международное коммунистическое революционное движение пошло на спад и во все последующее время не имело шансов серьезно возродиться. Троцкизм в своих расчетах и аргументах все более терял влияние и первым отпал из числа возможных.

Позиция правых была сильнее, чем у Троцкого. Она предлагала менее болезненный путь оздоровления предельно ослабленного общества. Возобладей она, видимо, удалось бы избежать крайностей коллективизации и ужасов голода. Потребность в ГУЛАГе также, пожалуй, отпала бы. Но не следует упускать из виду, что успех правых был все же поставлен в зависимость от перспектив мировой революции и благоприятной внешнеполитической обстановки. Рассчитывать на то, что страна пойдет по пути процветания в обстановке не коммунизации, а фашизации Европы и что Гитлер откажется от похода на Восток, серьезно не стоило. Еще более неубедительным выглядит тезис об оказании достойного сопротивления такому агрессору, как фашистская Германия. Как известно, без артиллерии, танков и авиации во Второй мировой войне делать было нечего. А чтобы иметь военную промышленность, нужно было провести индустриализацию, на чем настаивал Сталин и против чего выступали правые. Одним словом, если бы в большевизме взяли верх Бухарин с Рыковым, СССР к войне не был бы готов и ее исход был бы предрешен не в нашу пользу.

Итак, зарождение и становление сталинизма было детерминировано как объективными условиями, так и осознанием преобладающей частью политической элиты предпочтительности *новой национальной идеи*, за которой стоял Сталин. Исследование природы сталинизма является необходимым этапом, предваряющим собой более важные его характеристики, такие как содержание и сущность [14, с. 124–125].

С содержательной стороны сталинизм – есть многоуровневая система мобилизационных проектов по созданию общества качественно нового типа в предельно сжатые исторические сроки при крайне неблагоприятных условиях. Более конкретно это выглядит следующим образом. Вся система состоит из трех уровней: мегауровень; крупномасштабный уровень и непосредственные образцы материальной и духовной культуры. Мегауровень – построение первого в человеческой истории социального государства, в сталинской терминологии – «социализма в отдельно взятой стране». Создание социального государства обеспечивается триединой задачей или реализацией трех крупномасштабных проектов: индустриализация страны, аграрная реформа, культурная революция. Эти проекты находят свое воплощение в гигантах промышленности, укрупненных хозяйствах на селе, преобразованиях в сферах здравоохранения, образования, науки, культуры, спорта (Магнитка, ДнепрогЭС, Запорожсталь, Волго-Дон, Северный морской путь, бесплатная медицина, всеобщее среднее образование, атомный проект, и т. д.).

Если сместить акцент нашего внимания с содержания сталинского проекта на его сущность, а под сущностью понимать классическое её отличие от содержания (сущность есть не все содержание, а только его главная часть, своего рода «выжимка»), то мы приходим к выводу о том, что сталинизм по своей сути есть выражение национальной идеи советского народа, т. е. адекватное отражение имманентно присущего нашему народу представления о справедливости и гордости за принадлежность к стране, возносящей эту справедливость на пьедестал.

Национальная идея советского (русского) народа, воплощенная сталинизмом в жизнь, представляет собой единение двух начал – величия государства и социальной справедливости.

Имперское мышление и чувство правого дела явились результатом функционирования определённой модели государственно-политического управления. В соответствии с «политологическим кругом» А. Дугина, любые конституционную доктрину, политическую систему и модель государственно-политического управления можно обобщенно представить сочетанием политического курса и экономической линии [3, с. 6]. Политический курс классифицирует систему с точки зрения субъектности принятия политических решений и говорит о том, кто является основным субъектом государственной власти. Если в основу конституционной доктрины положен принцип делимости национального суверенитета, то политический курс имеет левую ориентацию, а если принцип народного суверенитета – то правую. Экономическая линия характеризует систему с точки зрения приоритетности распределения национальных ресурсов: чьи потребности удовлетворяются в первую очередь – индивидуума (правая ориентация) или общества как системы (левая ориентация) [13, с. 28]. Связь между этими двумя параметрами обнаружила ряд устойчивых комбинаций вроде классического либерализма (крайне левый политический курс и жёсткая правая экономическая линия); неолиберализма (умеренно левый политический курс и умеренно правая экономическая линия); консервативного либерализма (умеренно правый политический курс и умеренно правая экономическая линия); социал-демократии (умеренно левый политический курс и мягкая левая экономическая линия). Ни одна из этих моделей не смогла прижиться и утвердиться на российской почве. При Николае II проводилась право-правая политика, Ленин начинал с лево-левой, а Горбачев лево-левой завершил свою деятельность. При Б. Н. Ельцине была внедрена лево-правая модель, и все до одной перечисленные комбинации политического курса и экономической линии потерпели фиаско. Единственное сочетание политического курса и экономической линии, оказавшееся адекватным российским условиям, оформилось в виде социал-консерватизма (жёсткого правого политического курса и твёрдой левой экономической линии), совпадающего с содержанием и сущностью сталинизма. Сталинизм, таким образом, есть классическая форма социал-консерватизма, сложившегося в 30-е гг. в СССР и пережившего своего создателя почти на 40 лет.

Оценивая итоги социал-консервативной политики, сошлёмся на японского миллиардера Хероси Теравама, который в 1991 г. указывал советским экономистам и социологам: «Вы не говорите об основном, о вашей первенствующей роли в мире. В 1939 г. вы, русские, были умными, а мы, японцы, дураками. В 1949 г. вы стали еще умней, а мы все еще оставались дураками. А в 1955 г. мы поумнели, а вы превратились в пятилетних детей. Вся наша экономическая система практически полностью скопирована с вашей, с той лишь разницей, что у нас капитализм, частные производители и мы более 15 % роста никогда не достигали, а вы же – при общественной собственности на средства производ-

ства – достигали 30 % и более. Во всех наших фирмах висят ваши лозунги сталинской поры» [7, с. 285].

Логика повествования ведёт нас к понятиям «десталинизация» и «ресталинизация». Когда мы говорим о полной десталинизации, то это значит, что мы не только отмежевываемся от последствий Гражданской войны, ГУЛАГа, репрессий, перегибов и прочих негативных явлений, имевших место при сталинизме. Это означает также, что мы отказываемся и от социал-консерватизма как модели управления, более того – мы отрекаемся и от сущности сталинизма, то есть от государственного величия и социальной справедливости. По нашему мнению, Россия пережила три волны десталинизации. Первая волна, инициированная Хрущевым, своей целью имела дискредитацию Сталина путём дегуманизации его образа. Хрущёв – наполовину сталинист, наполовину троцкист, как всегда, был непоследователен. Пытаясь поднять свой авторитет за счет снижения сталинского авторитета, он сумел только посеять сомнения в душах людей, но основной цели не достиг. При этом, сам не желая того, нанёс ощутимый урон КПСС – главному институту политической системы общества.

Вторая волна десталинизации пришлась на период перестройки. Она была сильнее, мощнее, велась по всем правилам борьбы с идейно-политическим противником. Дегуманизация Сталина трансформировалась в демонизацию сталинизма в целом. Социал-консервативная конструкция подверглась уничтожающей теоретической критике и беспощадной идеологической атаке. Главной задачей этого этапа было политическое осуждение сталинизма, мировоззренческое его искоренение. Старшее поколение надлежало от сталинизма излечить, а молодому поколению полагалось сделать от него прививку.

Третья волна носила инструментально-практический характер, представляла собой демонтаж сталинского мегапроекта под названием СССР – первого в мире социального государства. Всё это произошло в 90-е гг. прошлого века. Складывалось впечатление, что социал-консерватизм, то есть сталинизм, канул в Лету. Величие государства опустилось до неприличия, а социальная справедливость скатилась к беспределу. Политический курс Ельцина был предельно левым, то есть делимость национального суверенитета была максимальной; экономическая линия, напротив, была сдвинута запредельно вправо. Государство, по сути, утратило рычаги управления. Президентская власть была эффективной лишь в границах Кремля, органы госбезопасности, милиция, прокуратура, армия представляли собой жалкое зрелище. Разгул «демократии» в стране привёл к сепаратизму не только на окраинах (Кавказ, Приморский край), но и в центре России (Урал, Татарстан). Понятие «патриотизм» стало ругательным словом. На международной арене с Россией перестали считаться не только США и ЕС, но и карликовые государства, в первую очередь страны Балтии, Грузия и др. Государство потеряло контроль более чем над 80 % национальных ресурсов. Население перестало вовремя получать зарплату, пенсионеры – пенсию. То было время «семибанкирщины». Продлись лево-правая политика еще какое-то время, и есть все основания предполагать, что Российская Федерация повторила бы судьбу Советского Союза.

Приход к власти президента В. В. Путина значительно изменил ситуацию. Политический курс государства заметно «поправел». Стало больше порядка внутри страны, была восстановлена вертикаль власти, олигархов принудили платить налоги, прекратилась война в Чечне, борьба с проявлениями терроризма приобрела решительный характер, равно как и недопущение сепаратизма. На международной арене влияние России существенно усилилось. До государственного величия, конечно, далеко, но авторитет государства заметно вырос.

Экономическая линия при Путине «полевела» незначительно. Из предельно правой позиции она переместилась в предельно правое положение. Следует признать, что наладилась работа промышленности и сельского хозяйства, открылись новые рабочие места, регулярно выплачивается пенсия, к минимуму сведены задолженности по зарплате, уровень жизни населения, по сравнению с 90-ми гг., несколько повысился. Вместе с тем экономическая линия правительства неоправданно остаётся жестко правой. 110 российских миллиардеров владеют 35 % национального богатства страны. На долю 1 % населения приходится 71 % личных вкладов и активов. Налог на богатство и роскошь отсутствует, и даже возможность его введения не обсуждается. Децильный коэффициент, официально признанный государством, равен 1:17 (при советской власти – 1:4; в странах ЕС – 1:5), при предельной норме 1:7–1:8. Некоторые независимые эксперты определяют реальный децильный коэффициент в России как 1:40, а академик Шмелёв – как 1:60 [1; 2; 5, с. 490].

Таким образом, в современной России можно констатировать консервативно-либеральную модель государственно-политического управления (умеренно правый политический курс и жёстко правая экономическая линия). На наш взгляд, такое сочетание политического курса и экономической линии является несбалансированным, а сама модель управления представляется неустойчивой и недолговременной. Из этого следует, что страна поставлена перед вызовом: либо «полевение» политического курса при сохранении правой экономической линии (это будет означать четвёртую волну десталинизации), либо дальнейший сдвиг вправо политического курса и радикальное смещение влево экономической линии (а это уже возврат к социал-консерватизму, или, по-другому, ренессанс сталинизма).

Может возникнуть вопрос: стоит ли обращаться при поисках новой модели управления к неоднозначно воспринимаемому термину «сталинизм»? Может быть, было бы корректнее ограничиться чисто научным понятием социал-консерватизма? Нам представляется, что отказываться от понятия «сталинизм» не следует по той причине, что противоборство ценностных ориентаций не снижается и в этом соперничестве следует предусмотреть не только академическую безупречность, но и эффективную результативность. Синонимизация социал-консерватизма со сталинизмом придаёт первому большую весомость, а второму – научную строгость. Это даёт возможность также констатировать, что десталинизация есть инструмент идеологической и политической борьбы не только с советским прошлым, но и с настоящим и будущим Российской Федерации.

Будущее России – за ресталинизацией. Ресталинизацию ни в коем случае не следует понимать как возврат к репрессиям, террору и ГУЛАГу. Ресталинизация есть обращение к содержанию сталинизма – обновлённому и осовремененному. Это возврат к крупномасштабным проектам оздоровления страны. Частично он уже запущен в действие (проект развития Дальнего Востока, проект дальнейшего освоения Арктики, проект импортозамещения и т. п.). Число таких проектов надобно умножать, вовлекая в них население ради причастности его к общему делу.

Ресталинизация – это возврат к сущности сталинизма, который остаётся неизменным: величие государства и социальная справедливость. Ресталинизация – есть возрождение патриотизма и правого дела, это также действенный способ утверждения геополитического баланса, путь к многополярному миру.

Нельзя не согласиться с мнением авторитетного политика и государственного деятеля Франции Шарля Де Голля: «Сталин не ушел в прошлое, он растворился в будущем» [8, с. 392].

Список литературы

1. Доклад «Global Wealth Report 2012» [Электронный ресурс] // Gidepark.ru : сайт. – URL: <http://pasm.ru/archive/5696> (дата обращения: 06.11.2012).
2. Доклад «Global Wealth Report 2013» [Электронный ресурс] // Gidepark.ru : сайт. – URL: <http://forummsk.org/material/economic/10075795.html> (дата обращения: 12.10.2012).
3. Дугин А. Г. Мировоззренческий код / А. Г. Дугин // Евраз. вторжение. – 1998. – № 30. – С. 6.
4. Жуков Ю. Н. Настольная книга сталиниста / Ю. Н. Жуков. – М. : Эксмо, 2010. – 320 с.
5. Идеология: pro et contra / И. И. Кальной [и др.]. – Симферополь : АРИАЛ, 2015. – 564 с.
6. Косолапов Р. И. Уверенно торить тропу в будущее. Доклад на чрезвычайном XXXII съезде СКП-КПСС 21 июля 2001 г. «О решениях XX и XXIII Съездов КПСС по вопросу «О культе личности и его последствиях» // Косолапов Р. И. Сочинения : в 18 т. – Тверь : Сев. корона, 2004. – Т. 17. – С. 648–666.
7. Мартиросян А. Б. Сталин и достижения СССР / А. Б. Мартиросян. – М. : Вече, 2014. – 320 с.
8. Мартиросян А. Б. Сталин после войны. 1945–1953 г. / А. Б. Мартиросян. – М. : Вече, 2016. – 416 с.
9. Млечин Л. М. Зачем Сталин убил Троцкого / Л. М. Млечин. – СПб. : АМФОРА, 2015. – 352 с.
10. Сталин И. В. О задачах хозяйственников // Сталин И. В. Сочинения : в 16 т. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 13. – С. 29–42.
11. Сталин И. В. Политический отчет центрального комитета XVI съезду ВКПб // Сталин И. В. Сочинения : в 16 т. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 12. – С. 235–261.
12. Стариков М. В. Сталин. Вспоминаем вместе / М. В. Стариков. – СПб. : Питер, 2015. – 416 с.
13. Чемшит А. А. Государственная власть и политическое участие / А. А. Чемшит. – Киев : Украин. центр духовной культуры, 2004. – 528 с.
14. Чемшит А. А. Советский период в истории России (о Сталине и сталинизме): суждения и смыслы / А. А. Чемшит // Вестн. Алт. гос. пед. ун-та, 2016. – №2 (27). – С. 122–126.

Russia is Facing a Historic Choice: Restalinization or Destalinization

A. A. Chemshit

Sevastopol State University, Sevastopol

Abstract. The article brings up to date the phenomenon of Stalinism both in a retrospective manner and in terms of its connection with the present and the future of Russian statehood. The author considers Stalinism as a multi-level system of mobilization projects for creating a society of a qualitatively new type within historically short time space and under extremely unfavorable conditions. In his opinion, Stalinism was able to «catch», shape the national idea of the Soviet people and put it into practice as far as it was possible in those historical conditions. There are grounds for the thesis that Stalinism is the Russian version of social conservatism, which, integrating a rigid right-wing line of policy and a firm left-wing economic policy, is the most appropriate model of state-political administration for the Russian mentality and conditions. The political agenda of Russia needs a substantial shift to the right, while the economic policy requires a radical turn to the left. Return to social conservatism implies *restalinization* meaning not the revival of heavy-had regime of state administration but rather developing a policy aimed at achieving national greatness and social justice, which means the focus on the national idea of the Russian world.

Keywords: *destalinization, restalinization*, national idea, model of state-political administration, political agenda, economic policy, social conservatism.

Чемшит Александр Александрович
доктор политических наук, профессор,
кафедра исторических, философских
и социальных наук
Севастопольский государственный
университет
299053, г. Севастополь,
ул. Университетская, 33
тел.: 8(8692)435158
e-mail: histphilsoc@sevsu.ru

Chemshit Alexander Alexandrovich
Doctor of Sciences (Political), Professor,
Department of Historical, Philosophical
and Social Sciences
Sevastopol State University
33, Universitetskaya st., Sevastopol, 299053
tel.: 8(8692)435158
e-mail: histphilsoc@sevsu.ru